

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ДАЙДЖЕСТ

Илья Кашницкий

- *Murphy M. The Impact of Migration on Long-Term European Population Trends, 1850 to Present*
- *Kelle J., A.O. Haller. Who Benefits from Economic Growth? Work and Pay in Brazil*
- *Victoria C.G., R. Bahl, A.J.D. Barros, G.V.A. França, S. Horton, J. Krasevec, S. Murch, M.J. Sankar, N. Walker, N.C. Rollins. Breastfeeding in the 21st century: epidemiology, mechanisms, and lifelong effect*
- *Stillwell J., M. Thomas. How far do internal migrants really move? Demonstrating a new method for the estimation of intra-zonal distance*
- *Marjavaara R., E. Lundholm. Does Second-Home Ownership Trigger Migration in Later Life?*
- *Bell M., E. Charles-Edwards, P. Ueffing, J. Stillwell, M. Kupiszewski, D. Kupiszewska. Internal Migration and Development: Comparing Migration Intensities Around the World*
- *Goujon A., S. KC, M. Speringer, B. Barakat, M. Potancoková, J. Eder, E. Striessnig, R. Bauer, W. Lutz. A harmonized dataset on global educational attainment between 1970 and 2060 – an analytical window into recent trends and future prospects in human capital development*
- *Cooray A., F. Schneider. Does corruption promote emigration? An empirical examination*
- *Ueffing P., F. Rowe, C.H. Mulder. Differences in Attitudes towards Immigration between Australia and Germany: The Role of Immigration Policy*

THE IMPACT OF MIGRATION ON LONG-TERM EUROPEAN POPULATION TRENDS, 1850 TO PRESENT

[Murphy M. (2016). The Impact of Migration on Long-Term European Population Trends, 1850 to Present // Population and Development Review. 42(2): 225-244. doi.org/10.1111/j.1728-4457.2016.00132.x]

Майкл Мерфи исследовал, насколько значителен фактор международной миграции в долгосрочном формировании населения стран Европы. Автор отмечает, что теме длительного влияния миграции традиционно уделяется недостаточно внимания. Как правило, подобные оценки сводятся к формированию прогнозных сценариев с миграцией и без. При этом миграционные сценарии зачастую не стараются отразить наиболее вероятный исход, а в основном призваны проиллюстрировать предельные варианты развития. Но даже если изошренными методами стараются предсказать будущие интенсивности миграции, предполагается экстраполяция текущих трендов, что, учитывая исторические данные, маловероятно, поскольку миграционные потоки и их интенсивность отличаются крайней изменчивостью. Мерфи предлагает восполнить пробел в демографической литературе и проанализировать миграцию в 11 Европейских странах в очень длинной исторической перспективе (с 1850 г.). При этом к миграционному эффекту он предлагает относить и рождаемость мигрантов.

Илья Савельевич Кашницкий (ikashnitsky@hse.ru), Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия; PhD кандидат Университета Гронингена (RUG) и Нидерландского междисциплинарного демографического института (NIDI).

Обзор поступил в редакцию в июле 2016 г.

Используя данные Human Mortality Database, Мерфи сравнивает миграционные изменения в численности и структуре населения стран Европы с естественным движением населения. Несмотря на то, что миграционные потери европейских стран во второй половине XIX и начале XX века принято считать колоссальными, они сильно уступают по масштабам естественному приросту населения. Так, с 1880 по 1913 г. в Великобритании, Франции, Италии и Швеции родилось 106 млн человек, умерло 76,5 млн, что дало 29,5 млн естественного прироста населения. При этом миграционные потери от оттока в Америку и прочие неевропейские территории за это период составил лишь 6,6 млн человек. Оценки средней интенсивности международной миграции для выбранных стран за разные периоды – в таблице 1.

Таблица 1. Средние интенсивности миграции, на 1000 человек

Страна	Начальный год	Конечный год	Средняя интенсивность чистой миграции				
			начальный год минус конечный год	начальный год - 1900	1900-1950	1950-2000	2000-последний год
Дания	1850	2011	0,1	-1,2	0,4	0,6	2,3
Англия и Уэльс	1850	2013	0,2	-0,7	0,3	0,6	4,1
Финляндия	1878	2012	-0,5	-0,4	-1,0	-0,7	1,9
Франция	1850	2013	1,5	-0,4	3,0	1,8	2,0
Исландия	1850	2013	-1,3	-3,3	-0,9	-0,7	2,6
Италия	1874	2012	-0,9	-2,9	-1,7	-0,4	6,0
Нидерланды	1850	2012	0	-1,2	-0,2	1,2	1,1
Норвегия	1850	2014	-1,2	-4,6	-2,0	0,8	4,4
Шотландия	1855	2013	-3,1	-2,8	-5,0	-3,2	3,2
Швеция	1850	2014	-0,3	-3,7	-0,7	1,9	4,4
Швейцария	1876	2011	1,8	-0,6	0,2	3,4	6,8
ВСЕГО	Initial	Final	0	-1,2	-0,2	0,7	3,2

Только в текущем веке нетто-коэффициент миграции стал положительным во всех рассмотренных странах Европы. В целом за весь исследуемый период прирост численности населения стран Европы был бы большим, если бы не было миграции (таблица 2). Во всех изучаемых странах, кроме Швейцарии, Франции и Англии, накопленный с 1850 г. миграционный эффект оказывается отрицательным.

Различия в средних интенсивностях миграционного обмена оказываются ключевым фактором роста численности населения. Так, например, при очень схожих характеристиках естественного движения населения население Шотландии за изучаемый период выросло лишь на 89%, в то время как соседняя Англия, испытывавшая меньшие миграционные потери, добавила 223% к исходной численности населения.

Среди любопытных результатов анализа автор отмечает высокую надежность простых усредненных показателей при длительной экспозиции исследования. Так, усредненный нетто-коэффициент миграции линейно коррелирует с итоговым влиянием миграции на численность населения (рисунок 1А), а усредненный коэффициент естественного прироста населения - с итоговым изменением населения при условии

отсутствия миграции (рисунок 1Б); коэффициенты детерминации регрессионных моделей составляют 0,97 и 0,98 соответственно.

Таблица 2. Результаты анализа

Страна	Численность населения, тыс. человек			Отношение			Нетто-коэффициент воспроизводства
	начальная	конечная	конечная без миграции	конечная к начальной	конечная без миграции к начальной	конечная к конечной без миграции	
Дания	1407	5561	5812	3,95	4,13	0,96	1,22
Англия и Уэльс	17579	56761	53853	3,23	3,06	1,05	1,14
Финляндия	1971	5401	5858	2,74	2,97	0,92	1,17
Франция	35673	63651	49087	1,78	1,38	1,3	1
Исландия	60	322	404	5,4	6,77	0,8	1,37
Италия	27121	59400	75735	2,19	2,79	0,78	1,13
Нидерланды	3056	16730	17042	5,48	5,58	0,98	1,28
Норвегия	1386	5109	7043	3,69	5,08	0,73	1,27
Шотландия	2812	5321	11406	1,89	4,06	0,47	1,21
Швеция	3441	9645	10778	2,8	3,13	0,89	1,14
Швейцария	2748	7870	5443	2,86	1,98	1,45	1,04
ВСЕГО	97254	235771	242460	2,42	2,49	0,97	-
Стандартное отклонение (не взвеш.)	-	-	-	1,2	1,52	0,26	0,1

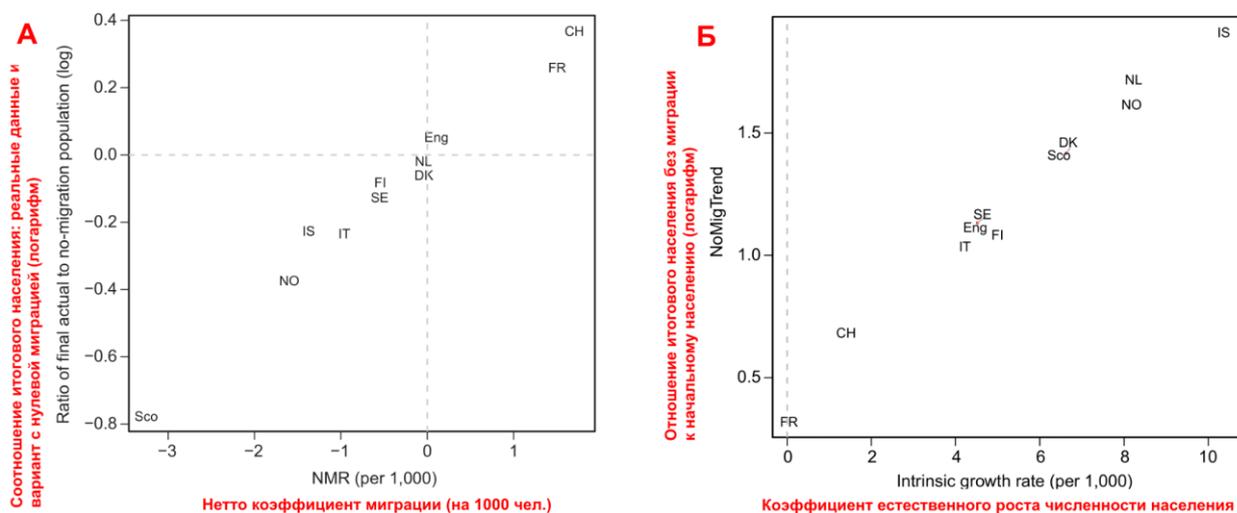

Рисунок 1. Корреляция между усредненными и итоговыми показателями

В заключение Мерфи отмечает, что, несмотря на колоссальные изменения в характере миграционного баланса стран Европы, пока рано утверждать, что именно миграция станет ключевым фактором, определяющим развитие населения континента в текущем столетии. Исторические данные показывают, что даже очень устойчивые миграционные тренды меняются радикально на протяжении относительно долгого периода. Нет оснований с уверенностью утверждать, что значительный миграционный приток в Европу сохранится на протяжении столетия.

WHO BENEFITS FROM ECONOMIC GROWTH? WORK AND PAY IN BRAZIL, 1973-1988

[Kelley J., A.O. Haller (2015). *Who Benefits from Economic Growth? Work and Pay in Brazil, 1973-1988* // *Population Review*. 54(1): 1-26. doi.org/10.1353/prv.2015.0000]

Ощущают ли простые граждане положительный эффект от роста экономики? Этим вопросом задались Джонатан Келли и Арчибальд Халлер. Они проанализировали данные двух крупных выборочных обследований в Бразилии за 1973 и 1988 гг. Авторы предложили методологию, позволяющую разложить рост доходов для каждой группы населения на связанный с общим экономическим ростом и связанный с изменением структурных характеристик населения, таких как урбанизация, образование и прочие (таблица 3).

Таблица 3. Декомпозиция роста доходов, среднегодовой рост, %

Род деятельности респондента	Экономический рост		Прочие причины	
	оба пола	оба пола	муж.	жен.
Сельское хозяйство				
1. Работники ферм, мелкие фермеры	0,7	1,8	0,7	0,8
2. Крупные фермеры	3,9	3,3	3,8	6,2
Синие воротнички				
3. Низкоквалифицированные работники сферы услуг	1,2	-0,1	0,6	1,8
4. Низкоквалифицированные работники на производстве	0,8	1	0,8	0,4
5. Рабочий средний класс	1,4	1,5	1,4	1,4
6. Полуквалифицированные рабочие	0,9	1,3	0,9	0,9
7. Квалифицированные рабочие	0,3	0,9	0,2	1,9
8. Промышленные предприниматели	2,9	4,4	2,8	5
Белые воротнички				
9. Работники сферы продаж	0,4	1,9	0,5	-0
10. Средний класс	1,8	2,4	1,8	2,2
11. Клерки нижнего звена	-0,5	0,1	-1	-1
12. IT, клерки высшего звена	1,1	2,4	0,7	1,6
13. Предприниматели	1,3	1,8	1,3	0,8
14. Менеджеры и администраторы	1,5	2,3	1,6	0,7
15. Высококвалифицированные сотрудники	2,4	1,1	2,5	1,9
Всего	1,3	2,2	1,3	1,2

В целом экономический рост способствует росту доходов во всех категориях населения. Прирост у наиболее благополучных категорий граждан немного (но статистически незначительно) больше. Примечательно, что общий рост экономики способствует сокращению гендерного разрыва в доходах. Также нельзя не отметить, что в среднем на долю изменения структурных характеристик населения приходится почти две трети всего роста доходов.

При этом важно отметить, что сравнимые темпы относительного прироста доходов выражаются в увеличении разрыва между бедными и богатыми в абсолютном исчислении. Но в целом пример Бразилии показывает, что экономический рост обогащает всех жителей страны.

BREASTFEEDING IN THE 21ST CENTURY: EPIDEMIOLOGY, MECHANISMS, AND LIFELONG EFFECT

[Victora C.G., R. Bahl, A.J.D. Barros, G.V.A. França, S. Horton, J. Krusevec, S. Murch, M.J. Sankar, N. Walker, N.C. Rollins (2016). *Breastfeeding in the 21st century: epidemiology, mechanisms, and lifelong effect* // *The Lancet*. 387(10017): 475-490. doi.org/10.1016/S0140-6736(15)01024-7]

Сезар Виктория и группа соавторов поставили перед собой задачу собрать наиболее полный обзор современных исследований и выяснить, насколько грудное вскармливание распространено в странах мира и насколько оно влияет на последующее развитие ребенка.

Мета-анализ двух десятков недавних обзорных исследований подводит авторов к однозначному выводу: грудное вскармливание чрезвычайно важно для выживания и дальнейшего развития ребенка. Репродуктивный цикл не случайно состоит из двух продолжительных частей: беременности и грудного вскармливания. На протяжении десятилетий медицинская практика наиболее развитых западных стран весьма легкомысленно относилась к грудному вскармливанию, доминировала идея, что его можно легко и безболезненно заменить искусственными смесями. В итоге сложилась довольно удивительная ситуация, когда отстающие в развитии страны мира по показателю распространенности грудного вскармливания оказываются в лучшей ситуации, нежели развитые страны мира (рисунок 2).

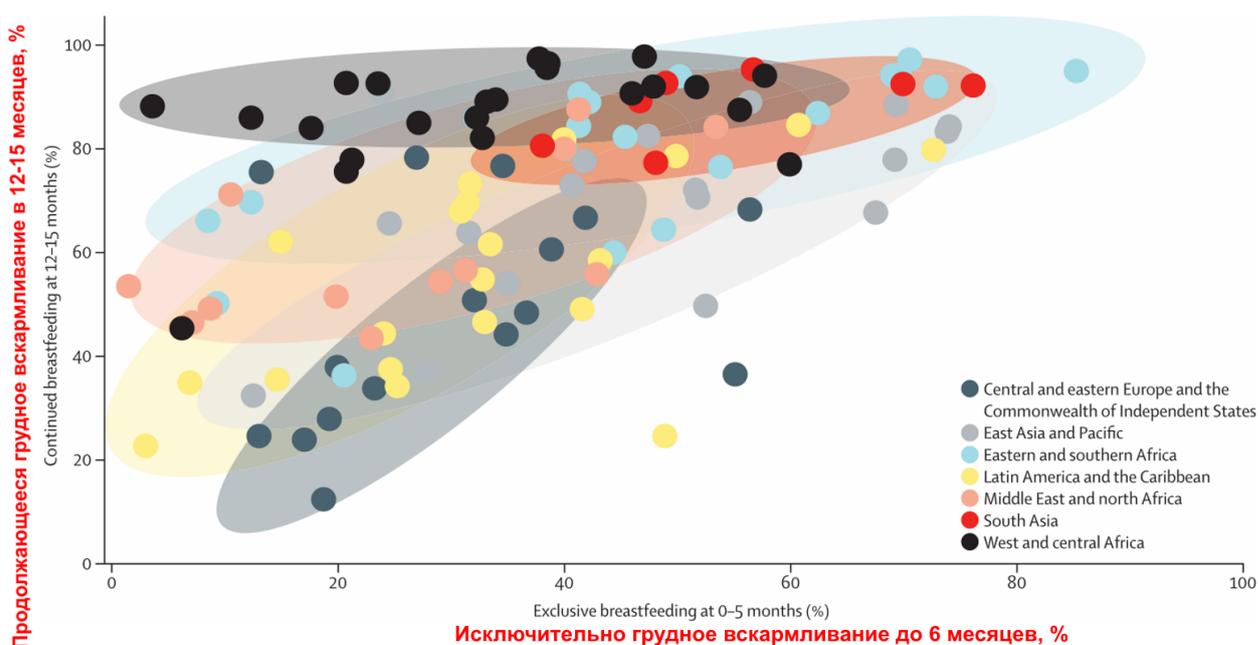

Рисунок 2. Распространенность и продолжительность грудного вскармливания по регионам мира

По расчетам авторов, если бы грудное вскармливание было бы безальтернативной практикой по всему миру, в 2015 г. удалось бы избежать 823 тыс. смертей детей в возрасте до 2 лет, что составило бы 13,8% от общего количества смертей в данном возрасте. Кроме того, повсеместное распространение грудного вскармливания снизило бы смертность женщин от рака груди.

Авторы приводят удивительно подробную таблицу, в которой сводят воедино разнообразные свидетельства влияния грудного вскармливания на здоровье детей и матерей в краткосрочной и долгосрочной перспективах.

HOW FAR DO INTERNAL MIGRANTS REALLY MOVE? DEMONSTRATING A NEW METHOD FOR THE ESTIMATION OF INTRA-ZONAL DISTANCE

[Stillwell J., M. Thomas (2016). How far do internal migrants really move? Demonstrating a new method for the estimation of intra-zonal distance // Regional Studies, Regional Science. 3(1): 28-47. doi.org/10.1080/21681376.2015.1109473]

11% англичан переменили место жительства в течение года, предшествовавшего переписи населения 2011 г. При этом лишь две пятых от числа переселенцев переместились в другой район (здесь имеются в виду районы LAD, которых в Англии 324; см. рисунок 3d). Подобные данные неплохо иллюстрируют знаменитую закономерность убывания интенсивности миграционных потоков с расстоянием. Однако данные переписи едва ли позволяют детально изучить, как далеко перемещается большая часть внутренних мигрантов в пределах административных статистических районов. Джон Стиллвелл и Майкл Томас постарались ответить на этот вопрос, используя данные крупного потребительского обследования Acxiom's Research Opinion Poll, содержащие информацию о переселенцах с привязкой по почтовым адресам. Таким образом, данные о перемещении каждого из более чем 125 тыс. уникальных переселенцев действительно отражают преодоленное им расстояние (в отличие от подавляющего большинства подобных исследований, когда речь идет о расстоянии между центроидами соответствующих административных единиц).

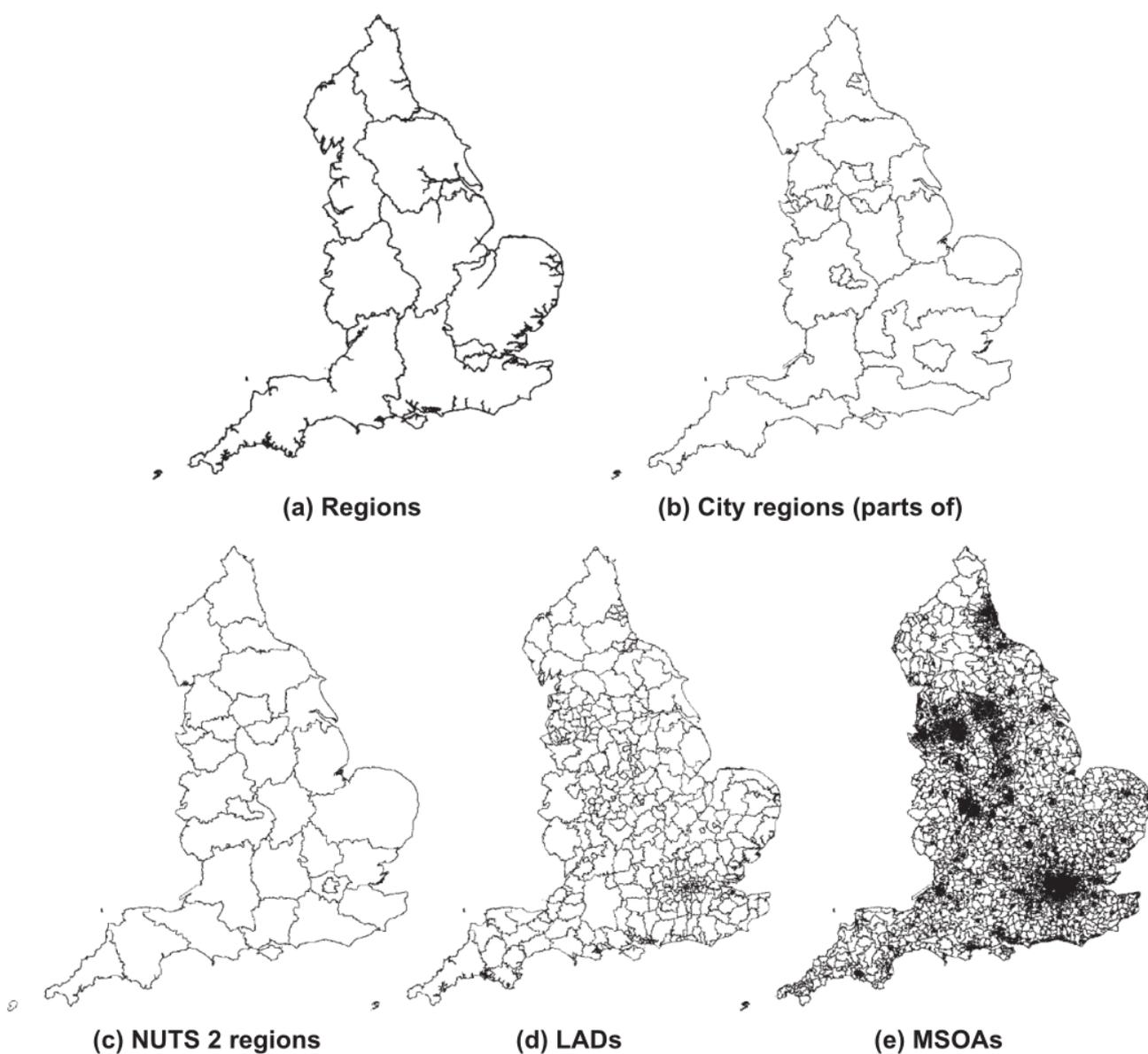

Рисунок 3. Административно-территориальное деление Англии

Результаты своих расчетов на более детальных данных авторы сравнивали с широко применимыми аналогичными расчетами, основанными на пространственной привязке к центроидам административных районов. Сравнение двух методов выявляет значительные отличия, разумеется, не в пользу более грубого метода центроидов (рисунки 4, 5).

Огрубление данных и дальности перемещения, связанные с процедурой расчетов на основе центроидов административных единиц, в итоге существенно завышает средние показатели дальности миграций. Особенно ярко это расхождение заметно на данных высокой степени пространственной агрегации (панели a и b рисунков 4 и 5), а также на внутрирайонных перемещениях (рисунок 5). Реальные перемещения людей оказываются значительно короче, чем мы привыкли считать, опираясь на традиционные оценки.

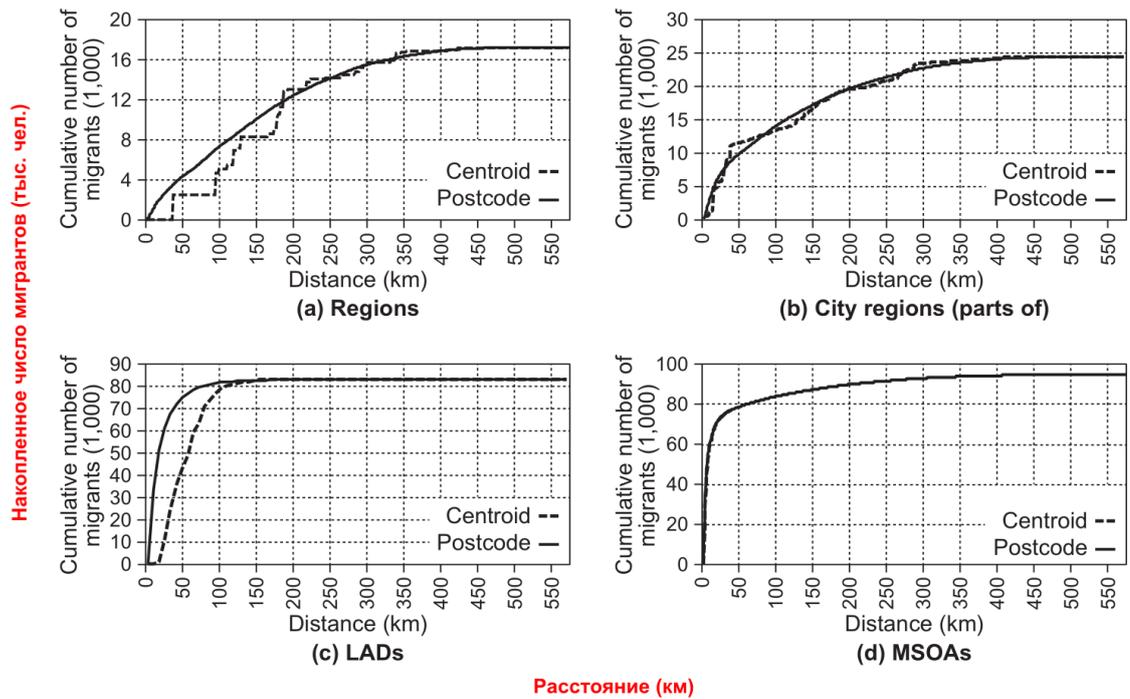

Рисунок 4. Накопленные числа межрайонных мигрантов по уровням АД

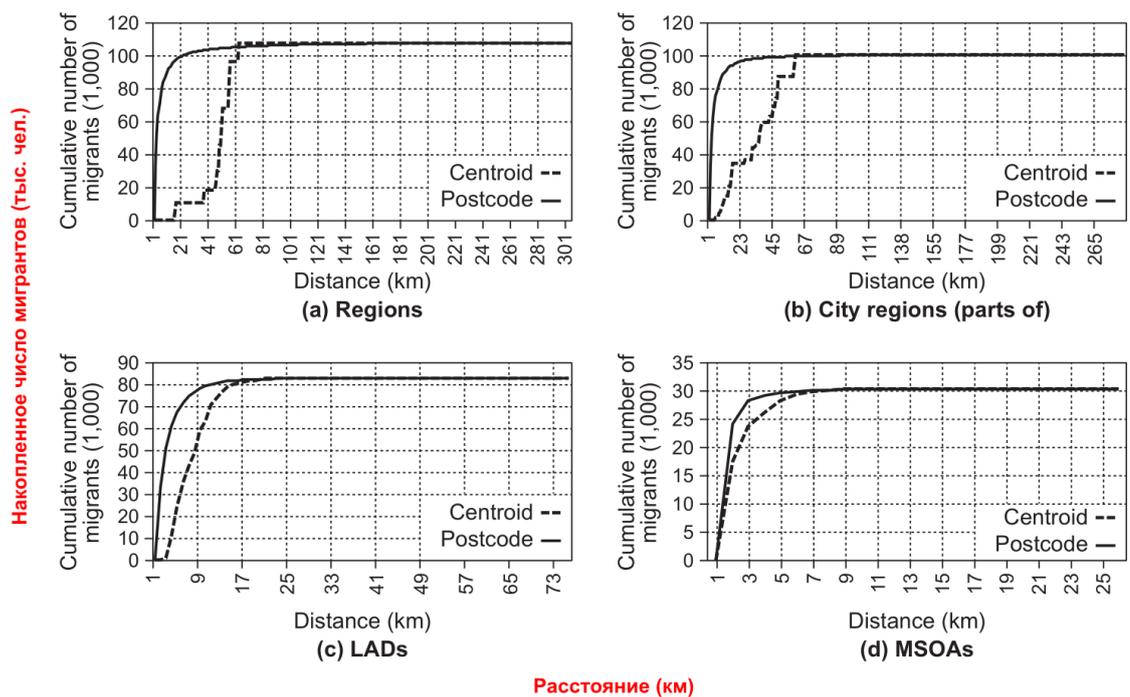

Рисунок 5. Накопленные числа внутрирайонных мигрантов по уровням АД

В заключительной части работы авторы предлагают новый метод регрессионного моделирования дальности перемещения внутренних мигрантов в зависимости от площади административно-территориальных единиц. Метод оказывается значительно более точным, нежели широко применимый традиционный метод расчета, когда радиус окружности, равной по площади изучаемой административной единице, делится на корень из двух.

Традиционный метод предсказывает значительно большие расстояния, чем наблюдаются в действительности. Однако до недавнего времени этот феномен оказывался незамеченным, поскольку не было достаточно детальных данных, чтобы скорректировать наши представления о реальных дальностях переселения внутренних мигрантов. Исследование Стилвелла и Томаса корректирует наши представления о реальных расстояниях, которые проделывают внутренние мигранты.

DOES SECOND-HOME OWNERSHIP TRIGGER MIGRATION IN LATER LIFE?

[Marjavaara R., E. Lundholm (2016). *Does Second-Home Ownership Trigger Migration in Later Life?* // *Population, Space and Place*. 22(3): 228-240. doi.org/10.1002/psp.1880]

Пристальное внимание в последние годы уделяется мобильности пожилого населения. Со стремительным ростом доли пожилого населения в развитых странах мира их переселения становятся все более значимым демографическим фактором. Рождер Марьяваара и Эмма Лундхольм изучили, насколько интенсивность миграции в пожилом возрасте зависит от наличия второго дома. Наличие второго дома у пожилых людей в периферийных сельских районах довольно часто выдвигалось в качестве объяснения феномена положительного миграционного баланса на этих периферийных территориях. Логика примерно такая: стоимость владения "запасным" домом на периферии, как правило, доставшимся по наследству, на протяжении жизни сравнительно невысока, зато туда удобно переселиться на старости лет. Однако это удобное объяснение не подвергали прежде проверке реальными данными. Этим и занялись авторы статьи.

Авторы выдвинули три гипотезы о влиянии второго дома на миграционную активность пожилого населения: 1) владельцы второго дома менее склонны к миграции, но используют второй дом в качестве альтернативы постоянному месту жительства; 2) владельцы второго дома более склонны к постоянным перемещениям между двумя домами; 3) второй дом рассматривается как альтернатива для переезда на постоянное жительство на старости лет. Визуальное отображение гипотез - на рисунке 6.

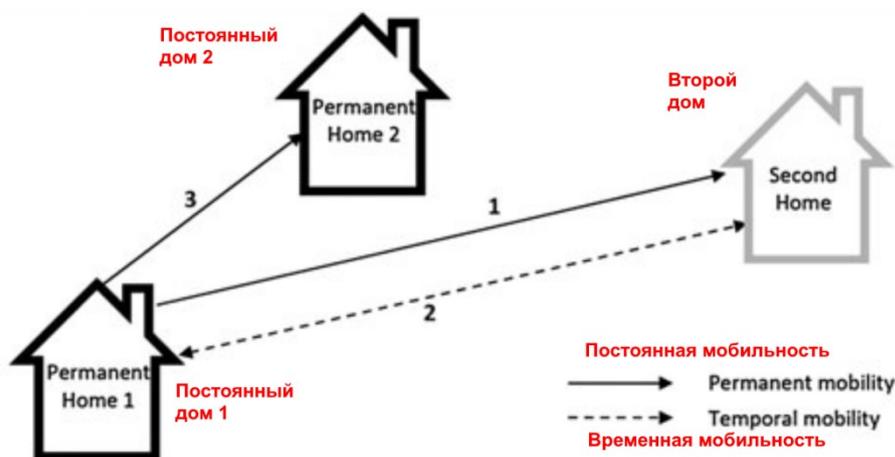

Рисунок 6. Три гипотезы влияния второго дома на миграцию в пожилом возрасте

Для проверки гипотез авторы использовали данные шведского регистра обо всех людях в возрасте 55-70 лет за период с 1999 по 2008 г., всего - чуть более 3 млн человек. В целом владельцы вторых домов склонны к большей мобильности (рисунок 7), однако, если исключить из этой мобильности перемещение между домами, то интенсивность оказывается ниже, чем у не владеющих вторыми домами (рисунок 8).

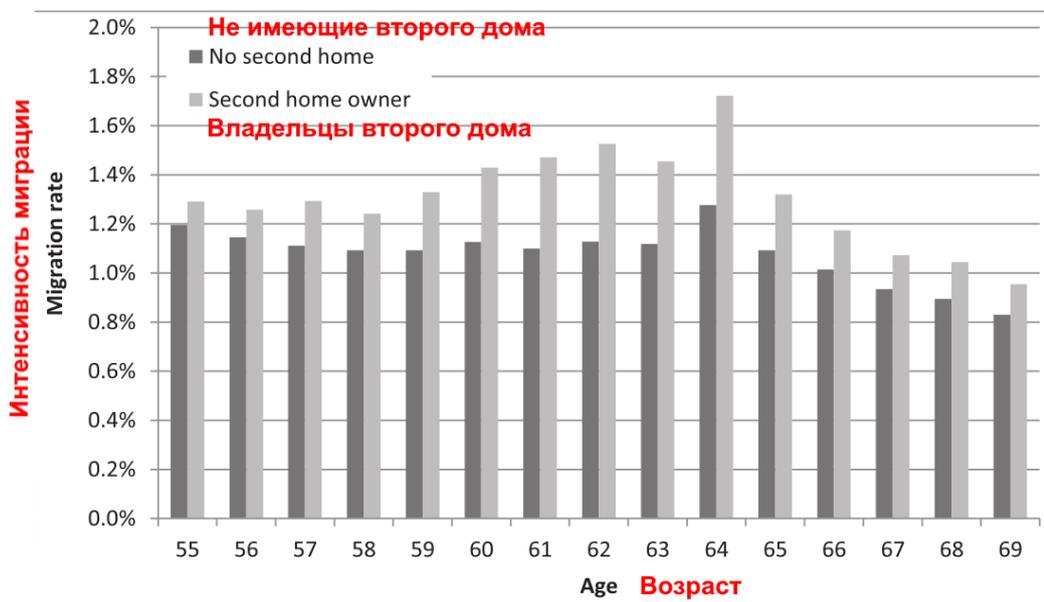

Рисунок 7. Интенсивность миграции на расстояние более 25 км, Швеция, люди в возрасте 55-69 лет, 1999-2008

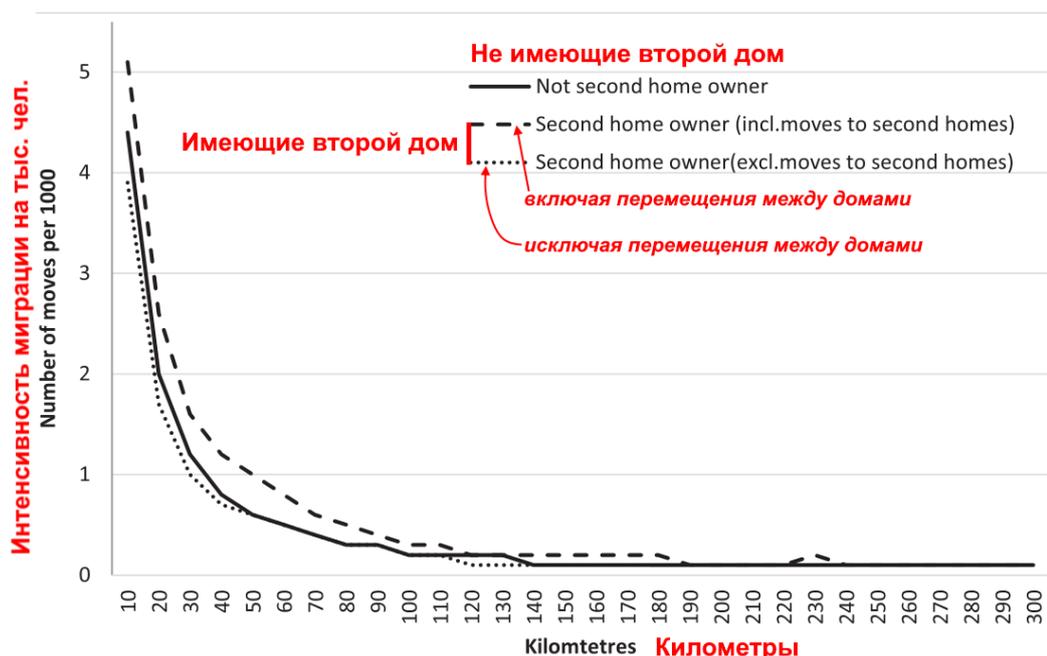

Рисунок 8. Интенсивность миграции в зависимости от дальности и наличия второго жилья, Швеция, люди в возрасте 55-69 лет, 1999-2008

Результаты анализа показывают, что факт наличия второго дома действительно влияет на мобильность пожилого населения. Однако, как правило, речь идет о мобильности

между домами, а не о переселении на старости лет. Таким образом, наибольшее эмпирическое подтверждение получила вторая гипотеза. Дальнейшее исследование темы, по мнению авторов, необходимо для того, чтобы определить роль второго дома в жизни пожилых людей.

INTERNAL MIGRATION AND DEVELOPMENT: COMPARING MIGRATION INTENSITIES AROUND THE WORLD

[Bell M., E. Charles-Edwards, P. Ueffing, J. Stillwell, M. Kupiszewski, D. Kupiszewska (2015). *Internal Migration and Development: Comparing Migration Intensities Around the World* // *Population and Development Review*. 41(1): 33-58. doi.org/10.1111/j.1728-4457.2015.00025.x]

Коллективными усилиями группы исследователей внутренней миграции (Мартин Бэлл, Элин Чарльз-Эдвардс, Филипп Уйфинг, Джон Стиллвелл, Марек Купижевски и Дорота Купижевска) предпринята попытка решения амбициозной задачи сравнения уровней интенсивности внутренней миграции во всех странах мира, для которых имелись более или менее надежные данные (рисунок 9).

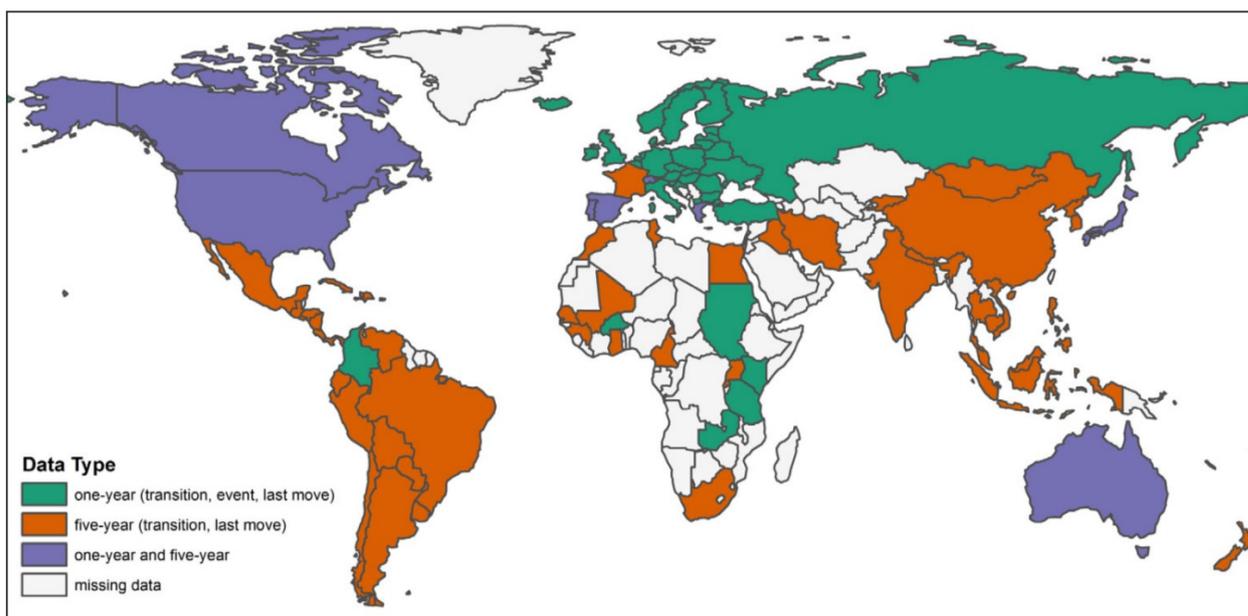

Рисунок 9. Доступность и характер данных о внутренней миграции в странах мира

Помимо неполноты данных, задача осложнялась также и тем, что в разных странах система статистического учета внутренней миграции налажена по-разному и данные доступны либо за однолетние, либо пятилетние периоды (рисунок 9). Для сравнения между группами стран с разным данными использовалась процедура z-стандартизации, когда реальные значения заменяются на стандартные отклонения от среднего по выборке значения при условии нормального распределения данных. Стандартизованные коэффициенты дают общее представление об интенсивности внутренней миграции в разных странах мира (рисунок 10).

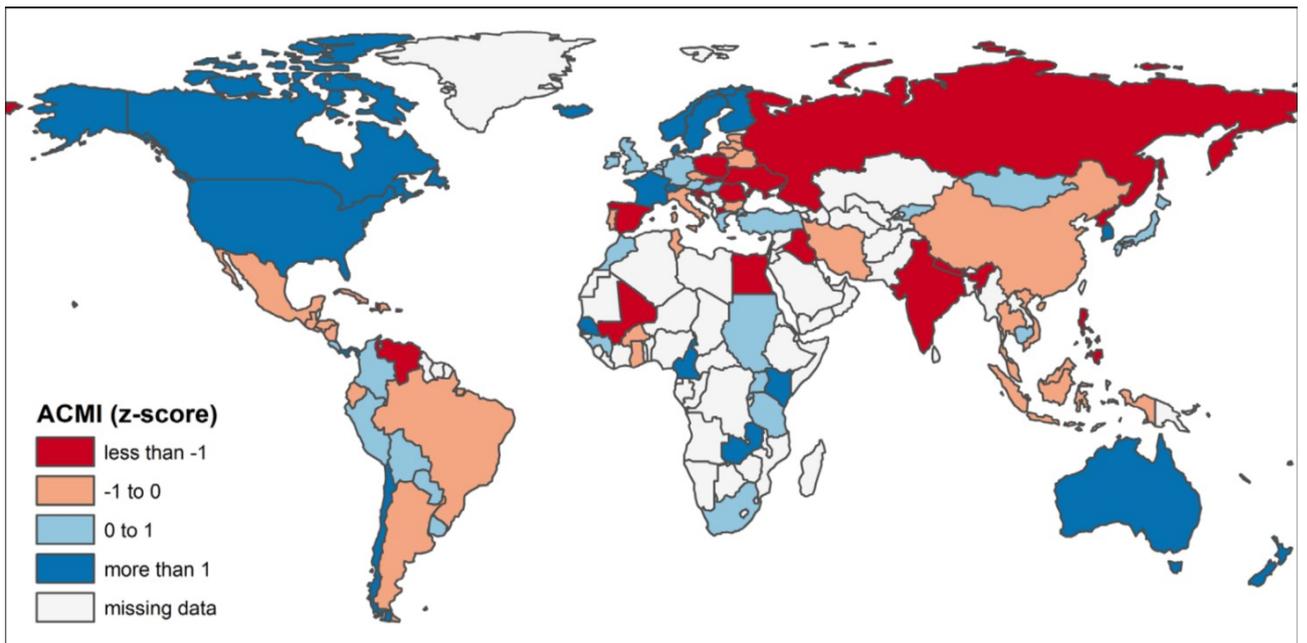

Рисунок 10. Стандартизованные интенсивности внутренней миграции

В целом наиболее подвижным оказывается население в исконно-переселенческих странах: США, Канаде, Австралии и Новой Зеландии. Население стран Азии, как правило, менее мобильно, за исключением наиболее развитых Южной Кореи и Японии. В Европе наблюдается четкая пространственная закономерность: внутренняя миграция максимальна в странах Северной Европы и минимальна в странах бывшего соцлагеря. Качество данных для стран Африки вызывает наибольшие сомнения исследователей, однако существующие данные показывают сравнительно высокие уровни мобильности населения (вероятно, не всегда добровольной).

В завершение работы авторы отмечают, что существующие практики статистического учета позволяют лишь говорить о внутренних переселенцах на постоянное место жительства и не учитывают прочих форм временной мобильности населения.

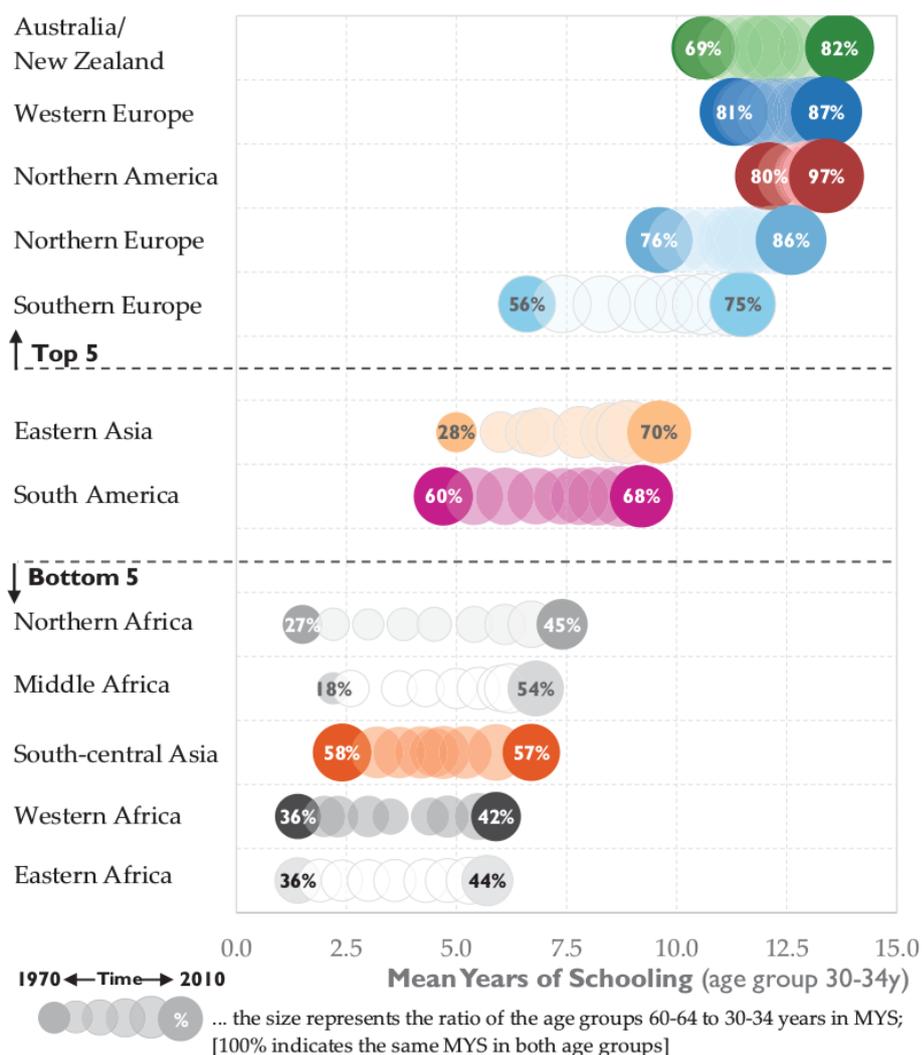
A HARMONIZED DATASET ON GLOBAL EDUCATIONAL ATTAINMENT BETWEEN 1970 AND 2060 – AN ANALYTICAL WINDOW INTO RECENT TRENDS AND FUTURE PROSPECTS IN HUMAN CAPITAL DEVELOPMENT

[Goujon A., S. KC, M. Springer, B. Barakat, M. Potancoková, J. Eder, E. Striessnig, R. Bauer, W. Lutz (2016). A harmonized dataset on global educational attainment between 1970 and 2060 – an analytical window into recent trends and future prospects in human capital development // Journal of Demographic Economics. 82(3): 315–363. doi.org/10.1017/dem.2016.10]

Группа демографов из Центра демографии и человеческого капитала в мире имени Виттгенштейна (Вена, Австрия) опубликовали грандиозный результат многолетнего кропотливого труда десятков исследователей: набор гармонизированных данных об образовательной структуре населения по пятилетним возрастным группам для 171 страны

за период с 1970 по 2010 г., а также прогнозные данные на полвека вперед (до 2060 г.). В примечании к статье венские демографы благодарят за содействие своих коллег из Центра изучения населения Миннесоты (IPUMS), Демографического отдела ООН, Французского института демографии (INED) и Института статистики и экономических исследований (INSEE), а также бесчисленных сотрудников национальных статистических ведомств - одно это дает представление о масштабе проделанной работы по сбору данных.

Помимо ключевых комментариев о методологии гармонизации данных для различных стран мира и принципиальном отличии набора данных от прочих попыток собрать и унифицировать подобную информацию, в статье также приводится подробный анализ динамики образовательной структуры населения по макрорегионам мира.

...размер обозначает отношение средней продолжительности обучения в возрастной группе 60-64 к аналогичному показателю в возрастной группе 30-34.

Рисунок 11. Средняя продолжительность обучения в возрастной группе 30-34 года по регионам мира и соотношение показателя в соседних поколениях

Средняя продолжительность образования на протяжении 1970-2010 гг. росла во всех регионах мира (рисунок 11). Кроме того, видно, что в наиболее развитых странах мира за последние десятилетия продолжительность образования приблизилась к некоторому равновесному уровню, когда образованность старшего (60-64 года) и младшего (30-34 года) поколения мало отличается.

Изучая такое всемирное революционное явление, как экспансия образования, важно понимать, что процесс происходит не одномоментно и есть значительные различия в образованности населения как между регионами мира, так и внутри них между отдельными странами. При этом различия между макрорегионами мира минимальны до и после образовательной революции и максимальны в ее процессе (рисунок 12) - в этом экспансия образования ничем не отличается от прочих процессов глобальной модернизации.

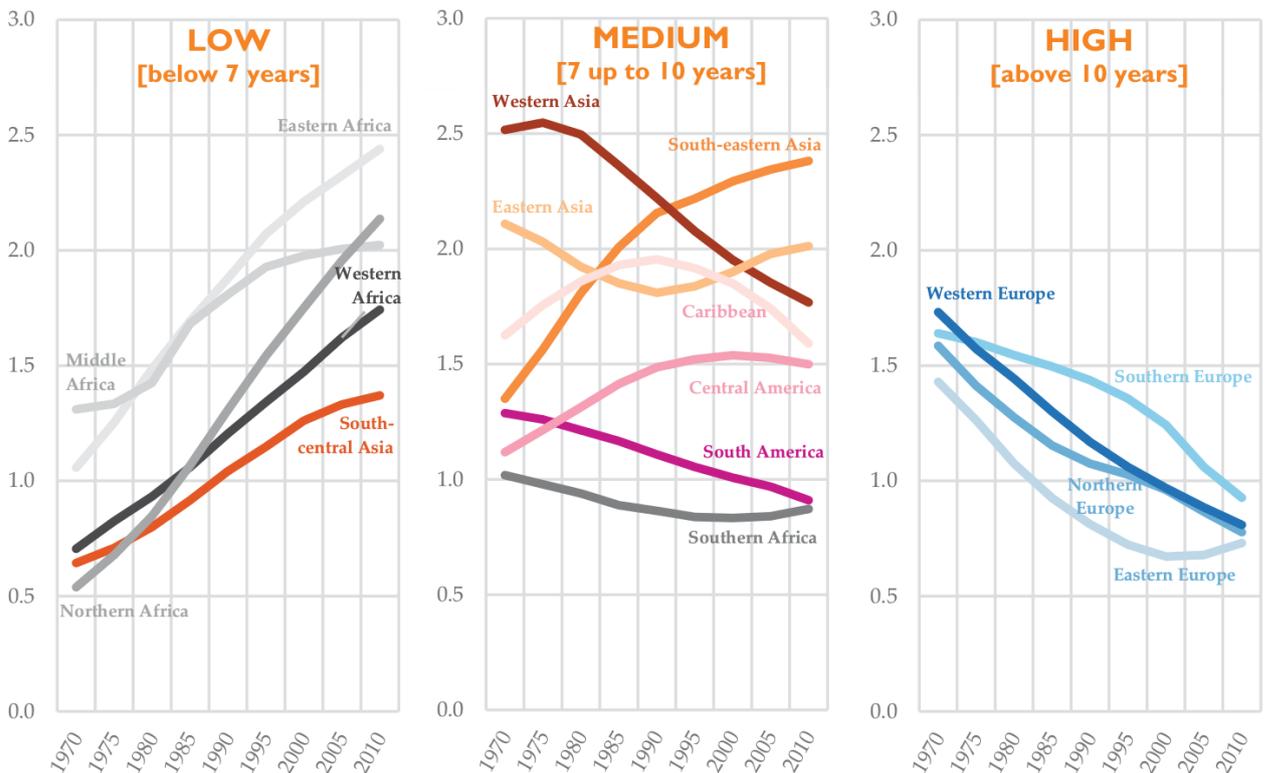

Рисунок 12. Стандартные отклонения макрорегионов мира по средней продолжительности образования среди населения в возрасте 25-59 года (показывает насколько однородны или неоднородны страны, входящие в макрорегион) отдельно для отстающих, средних и лидирующих макрорегионов

В наименее развитых с точки зрения образованности населения регионах мира, где взрослые люди в среднем учились менее 7 лет, различия между странами внутри макрорегионов были ничтожны в начале изучаемого периода и значительно выросли к его концу. В наиболее развитых странах, где в 2010 г. средняя продолжительность образования превышала 10 лет, на протяжении изучаемого периода различия между странами, входящими в макрорегионы, неуклонно сокращались.

DOES CORRUPTION PROMOTE EMIGRATION? AN EMPIRICAL EXAMINATION

[Cooray A., F. Schneider (2015). *Does corruption promote emigration? An empirical examination* // *Journal of Population Economics*. 29(1): 293-310. doi.org/10.1007/s00148-015-0563-y]

Глобализация, стремительные изменения демографической ситуации, политические конфликты, трансформации социальных институтов, изменение климата - все эти факторы приводят к усилению миграции населения как на международном, так и на внутривосточном уровне. Причины, побуждающие людей к смене места жительства, принято делить на две категории: притягивающие (pull) и выталкивающие (push). Многочисленные предыдущие исследования доказывали значимость отдельных факторов как на уровне государства, так и на индивидуальном уровне. Так, например, к притягивающим факторам принимающей территории принято относить высокие доходы населения, лучшие условия жизни, наличие диаспор и социальных сетей. Напротив, из родных стран людей выталкивают безработица, низкие заработки, общая неудовлетворенность жизнью, слабость социальных институтов. Перечень факторов, влияющих на миграцию населения, постоянно пополняется вместе с новыми подтверждающимися исследовательскими гипотезами. Аруша Курэй и Фредерик Шнайдер проверяют значимость очередного из выталкивающих факторов, способного влиять на интенсивность рабочей эмиграции: уровня коррупции в стране исхода.

Согласно исследовательской гипотезе, коррупция способна напрямую влиять на эмиграцию населения. Распространенность коррупции ухудшает рабочие и жизненные условия большей части населения, мотивируя многих к радикальным изменениям этих условий. В частности, авторы предполагают, что наиболее подверженными желанию уехать из насквозь коррумпированной страны слоями населения оказываются наиболее образованные работники. Высокий уровень коррупции разрушает здоровую конкуренцию на всех уровнях развития карьеры, что должно наиболее болезненно отражаться именно на тех работниках, которые бы получили наибольшие дивиденды в условиях честной конкуренции (самых образованных). В целом коррупция обесценивает инвестиции в человеческий капитал, побуждая наиболее недооцененных людей уезжать за заслуженным вознаграждением в другие места. Кроме того, наиболее образованные слои населения, вероятно, более страдающие от распространенной коррупции, имеют большие шансы успешно эмигрировать в наиболее развитые страны, которые предъявляют все более жесткие требования к иммигрантам. Изучение нелинейной зависимости эмиграции от коррупции по уровню образования - наиболее интересная задача данного исследования, ранее в научной литературе не освещавшаяся. Кроме того, среди свежих результатов работы - раздельное моделирование для стран с низким и высоким уровнем неравенства доходов.

Результаты подтверждают базовую гипотезу: с ростом уровня коррупции отток населения усиливается. Подтверждается и гипотеза о том, что наиболее образованные слои населения более подвержены данному воздействию. В целом есть ярко выраженная положительная взаимосвязь между уровнем коррупции и интенсивностью оттока населения. Однако эта сильная взаимосвязь не линейна.

С ростом уровня коррупции наиболее образованные работники демонстрируют неизменно большую склонность покинуть более коррумпированные общества. Напротив, эмиграция населения с низким и средним уровнем образования усиливается только до определенного уровня роста коррупции, а затем снижается. Дополнительный анализ по уровню неравенства доходов показывает, что, вероятно, достаточно высокие уровни коррупции и неравенства одновременно резко сокращают возможности для эмиграции менее образованных граждан. Таким образом, результаты подтверждают многочисленные более ранние свидетельства о наличии так называемой "ловушки бедности", удерживающей наиболее неблагополучные слои общества от закономерного желания эмигрировать. Альтернативное объяснение заключается в том, что ограничения иммиграционной политики наиболее развитых стран отсеивают менее образованных претендентов. Поскольку уровень коррупции сильно связан с общим уровнем развития человеческого потенциала, наименее образованные слои населения сильно коррумпированных стран объективно имеют ничтожные шансы пробиться через иммиграционные фильтры развитых стран.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что развивающимся странам надо уделять пристальное внимание борьбе с коррупцией, если они не желают терять наиболее образованную часть своего населения. Кроме того, многочисленные исследования показывают, что высокообразованные люди в целом более мобильны и склонны к миграции. Поэтому заметное снижение уровня коррупции может не только предотвратить утечку умов, но и мотивировать ранее уехавших соотечественников вернуться.

В завершении статьи авторы призывают не забывать, что все описанные результаты построены на анализе данных о переселении людей совершенно разного происхождения в 20 развитых странах ОЭСР. Таким образом, строго говоря, результаты относятся только к иммиграции в наиболее развитые страны мира. О применимости их к развивающимся странам можно будет с уверенностью говорить, когда советующие данные для аналогичного анализа будут доступны для развивающихся стран.

DIFFERENCES IN ATTITUDES TOWARDS IMMIGRATION BETWEEN AUSTRALIA AND GERMANY: THE ROLE OF IMMIGRATION POLICY

[Ueffing P., F. Rowe, C.H. Mulder (2015). Differences in Attitudes towards Immigration between Australia and Germany: The Role of Immigration Policy // Comparative Population Studies. 40(4): 437–464. doi.org/10.12765/CPoS-2015-18en]

Филипп Уйффинг, Франческо Роув и Клара Мюльдер изучили взаимосвязь между государственной иммиграционной политикой и общественным отношением к иммиграции на основе двух контрастных примеров. В ответ на масштабный приток иммигрантов Германия и Австралия выработали совершенно разные государственные подходы к регулированию процесса. В какой степени официальная государственная политика может влиять на общественное восприятие иммиграции?

Двойное отношение к иммиграции свойственно всем развитым странам, и с ростом масштаба явления полярность двух крайних точек зрения становится все отчетливее. С одной стороны, иммиграция рассматривается как благоприятная возможность пополнить население страны трудоспособной силой, а также увеличить культурное разнообразие. Таким образом, принимая иммигрантов, развитые страны в долгосрочной перспективе решают многочисленные проблемы, связанные с современным уровнем демографического развития, например проблемы низкой рождаемости и ускоренного старения населения. С другой стороны, резкое увеличение доли иммигрантов в обществе вызывает опасения насчет устойчивости систем социального обеспечения, стремительно возрастающей конкуренции за рабочие места и постепенного растворения национальной культуры.

Преыдушие исследования общественного отношения к иммиграции выявляли значимость различных характеристик населения как на индивидуальном, так и на макроуровне. Например, эмпирическим путем было показано, что такие характеристики, как высокий уровень образования, проживание на урбанизированной территории и наличие персональной миграционной истории положительно связаны с отношением к иммиграции. Однако межстрановые сравнения подобных исследований до сих пор довольно редки и не всегда приводят к однозначным выводам.

Авторы работы проверяют гипотезу, согласно которой общественное отношение к иммиграции в той или иной степени отражает позицию официальной государственной иммиграционной политики. Они исследуют общественное отношение к иммиграции применительно к ее влиянию на следующие четыре составляющие общественной жизни: 1) национальную экономику; 2) рынок труда; 3) национальную культуру; 4) уровень иммиграционного притока.

Выбор для сравнения Австралии и Германии не случайный. В Австралии после Второй мировой войны сформировалось четкое понимание необходимости стройной государственной политики в области привлечения и отбора иммигрантов с тем, чтобы увеличить численность населения страны и обеспечить стабильный экономический рост. Иммиграционная политика выстроена таким образом, чтобы привлекать наиболее образованных переселенцев независимо от страны происхождения и помогать им как можно скорее адаптироваться. В Германии же, напротив, несмотря на колоссальный приток иммигрантов, не сложилось единой и непротиворечивой концепции иммиграционной политики. Если опираться на высказывания политиков, можно подумать, что население Германии до сих пор представляет собой культурно монолитное общество, хотя де-факто это уже совсем не так.

Исходя из различий иммиграционной политики двух стран и гипотезы о том, что общественное мнение следует за официальной политикой, авторы предполагают обнаружить в Австралии значительно более лояльное отношение населения к иммиграции, нежели в Германии.

Результаты анализа подтверждают исходные гипотезы и показывают статистически значимые различия в отношении к иммиграции населения Австралии и Германии по всем четырем критериям. При этом наибольшее различие было выявлено по отношению людей к влиянию иммиграции на национальную экономику: более 70% респондентов в Австралии

считали, что иммиграция оказывает положительное воздействие на развитие экономики, в то время как в Германии эта доля составила лишь 26%. По прочим исследованным критериям различие не столь разительное, но тем не менее составляет внушительные 20 процентных пунктов (таблица 4).

Таблица 4. Отношение общества к различным аспектам воздействия иммиграции, доля позитивно настроенных респондентов

	Экономика	Рынок труда	Культура	Рост иммиграции
Австралия	70,5	49,6	74,7	23,4
Германия	26,3	29,2	54,4	4,5
Статистическая значимость различий				
Chi-квадрат статистика	594,26	129,93	144,77	192,86
P-значение	0,000	0,000	0,000	0,000

Любопытно также различия респондентов в отношении к иммиграции применительно к разным сферам жизни. Так, в обеих странах наибольшее одобрение иммиграция вызывает в контексте влияния на культуру. В Австралии аналогично позитивные взгляды на иммиграционное воздействие на экономику, в то время как в Германии доля оптимистично настроенных респондентов в этом отношении существенно ниже. Наиболее скептически в обеих странах респонденты настроены по отношению к дальнейшему увеличению притока иммигрантов.

Дополнительный анализ индивидуальных характеристик респондентов подтверждает известные ранее результаты: все персональные характеристики развития человеческого капитала и уровня жизни положительно связаны с позитивным восприятием иммиграции, равно как и наличием собственного миграционного опыта.

Результаты анализа, по мнению авторов, ярко отражают влияние иммиграционной политики на общественное восприятие иммиграции.

DEMOGRAPHIC DIGEST

ILYA KASHNITSKY

- *Murphy M. The Impact of Migration on Long-Term European Population Trends, 1850 to Present*
- *Kelle J., A.O. Haller. Who Benefits from Economic Growth? Work and Pay in Brazil*
- *Victoria C.G., R. Bahl, A.J.D. Barros, G.V.A. França, S. Horton, J. Krasevec, S. Murch, M.J. Sankar, N. Walker, N.C. Rollins. Breastfeeding in the 21st century: epidemiology, mechanisms, and lifelong effect*
- *Stillwell J., M. Thomas. How far do internal migrants really move? Demonstrating a new method for the estimation of intra-zonal distance*
- *Marjavaara R., E. Lundholm. Does Second-Home Ownership Trigger Migration in Later Life?*
- *Bell M., E. Charles-Edwards, P. Ueffing, J. Stillwell, M. Kupiszewski, D. Kupiszewska. Internal Migration and Development: Comparing Migration Intensities Around the World*
- *Goujon A., S. KC, M. Speringer, B. Barakat, M. Potancoková, J. Eder, E. Striessnig, R. Bauer, W. Lutz. A harmonized dataset on global educational attainment between 1970 and 2060 – an analytical window into recent trends and future prospects in human capital development*
- *Cooray A., F. Schneider. Does corruption promote emigration? An empirical examination*
- *Ueffing P., F. Rowe, C.H. Mulder. Differences in Attitudes towards Immigration between Australia and Germany: The Role of Immigration Policy*

ILYA S. KASHNITSKY (ikashnitsky@hse.ru), NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS, RUSSIA; UNIVERSITY OF GRONINGEN (RUG) AND NETHERLANDS INTERDISCIPLINARY DEMOGRAPHIC INSTITUTE (NIDI, NETHERLANDS).

DATE RECEIVED: JULY 2016.